

Глава 15. Инвестиция в тебя

На обратном пути Ду Юньсэ в одиночку нёс оба ведра. Цю Хуаняню, которому не досталось никакой ноши, оставалось лишь идти следом с пустыми руками.

У реки они повстречали Ху Цюянь и ещё нескольких деревенских женщин и гээр — все они пришли за водой.

— Ну, Хуа-гээр, наконец-то и ты дождался своего счастья! Не нужно больше самому таскать ведра из реки.

— И то верно! Посмотрите-ка: Юньсэ пошёл по воду, а ты за ним хвостиком. Неужто и на миг разлучиться не можете?

От этих шуточных поддразниваний Хуанянь заметно смутился. Буркнув что-то невнятное в ответ, он ухватил суженого за край рукава и поспешил прочь под дружный хохот за спиной.

Проводив их взглядами, один из почтенных гээр, давно бывший в браке, со смешком заметил:

— Ишь, как льнут друг к другу! Сразу видно — молодые, только-только встретились.

— Повезло Хуа-гээр, ничего не скажешь, — подхватила жена Баошаня. — Жена Баожэня сказывала, вчера Юньсэ провожал целый военный чин седьмого ранга! А ведь наш уездный судья Ван тоже в седьмом ранге ходит.

— Даже если с экзаменами не заладится, с такими-то связями он завсегда найдёт себе достойное дело.

— Да и Юньсэ, видать, корней не забыл, хоть и выбился в люди. Знает, как о своём гээр заботиться. Другой бы на его месте руки сложил да почивал, а Хуа-гээр бы и дальше надрывался.

— Будь у меня такой пригожий, работающий да ладный гээр, как наш Хуа, я бы с него тоже пылинки сдувать заставил, — добавила другая женщина.

Те, кто раньше любил позубоскалить за спиной сироты, теперь чувствовали себя не в своей тарелке и стояли с кислыми минами.

— Сестрица Гу, подними ведро повыше, не мути воду! Нам же ещё набирать, — прикрикнул кто-то на молодую девушку.

Та, кого называли сестрицей Гу, вздрогнула и, торопливо зачерпнув лишь половину ведра, поспешно скрылась.

— Что это с ней?

— А я помню: про то, что учителя Юньсэ в темницу бросили, я первой от неё услышала. Неужто испугалась, завидев его самого? Видно, почуяла неладное, раз столько лишнего болтала, — предположил кто-то.

При этих словах Ху Цюянь насторожилась. Она вспомнила недавнюю просьбу Цю Хуаняня.

— Откуда бы девке, что в деревне без году неделя, про такие дела знать? — нарочито громко произнесла тётушка Цюянь. — Наверняка нашептал кто, а она и разнесла по глупости.

Мать Ли Гуэр была родом из их деревни, но давно вышла замуж в чужие края. В прошлом году она преставилась, и девушке пришлось прийти в деревню Ду под крыло к дяде, Ду Баоцюаню.

Слова Цюянь заставили остальных призадуматься.

— И то верно. Откуда нам, простым людям, знать про тюрьмы да прочие столичные страсти? Мы и уезда-то толком не видели, не то что столицы.

— Может, Хуа-гээр сам и проговорился?

— Да зачем бы ему свои беды на свет вытаскивать? К тому же он с этой Гу и не знает почти.

— Странно всё это. Сестрица Гу ни с кем в деревне особо не дружит, чужих людей здесь тоже не видать...

Слушая пересуды, Ху Цюянь внезапно сопоставила факты.

— А послушайте-ка... Юньцзин, сын Баоцюаня, он ведь недавно возвращался из уездной школы на пару дней?

При упоминании Юньцзина все разом прикусили языки. Семья Ду Баоцюаня считалась одной из самых богатых в округе, а его супруга, госпожа Чжао, слыла женщиной суровой и мстительной. Если она прознает, что соседи судачат о её любимом сыне, беды не миновать — а многим ещё предстояло просить у них мула для весенней пахоты.

Цюянь больше не проронила ни слова, но про себя твёрдо решила при первой же возможности всё рассказать Хуаняню.

Вернувшись домой, Ду Юньсэ наполнил чаны водой, а Хуанянь принялся разводить огонь, чтобы приготовить завтрак.

Проснувшиеся Цзюцзю и Чуньшэн уже не дичились так, как вчера. Они обступили старшего брата, засыпая его вопросами о дальних странствиях, и тот терпеливо отвечал на каждое «почему» и «как».

На завтрак хозяин дома сварил густую кукурузную кашу, нарезал тарелку солений и выставил на стол блюдо с сушёным тофу. В центре красовались четыре варёных яйца — с тех пор как гээр обосновался здесь, он больше не продавал яйца, оставляя их для семьи.

Две взрослые курицы неслись каждый день, а купленные недавно молодки скоро тоже должны были подрасти. Хуанянь прикинул: через месяц-другой в доме будет по яйцу на каждого в день. Простая крестьянская трапеза показалась всем необыкновенно вкусной.

После еды Юньсэ сам вызвался перемыть посуду. Гээр тем временем скрылся в кладовой и вышел оттуда с корзиной в руках.

— Здесь благовония и подношения, — тихо сказал он, протягивая корзину. — Сходи сначала к родителям один, а мы с детьми навестим их после полудня.

Сегодня был день Цинмин — время поминовения предков. Все сельчане спешили на погосты, и Хуанянь решил в этот день не ходить в город.

Ду Юньсэ взглянул на него, и в глубине его глаз мелькнула благодарность. Хуа-гээр почувствовал, что супругу нужно побыть наедине с отцом и матерью, и тактично устроил это.

Юноша заглянул в корзину: помимо того, что вчера купил У Шэнь, там были аккуратно уложены бумажные деньги, пучки ароматных палочек, гаоляньи и сушёный тофу.

— Иди, — легонько подтолкнул его Хуанянь. — К обеду ждём дома.

Юньсэ без труда нашёл могилу отца, рядом с которой чернел свежий холмик матери. Глядя на эти два пристанища, тесно прижавшихся друг к другу, он ощутил, как к горлу подступает комок. Опустившись на колени, он принялся расставлять подношения.

«Сын хочет отплатить заботой, да родители не вечны, — Ду Юньсэ горько осознал эту истину. — Никогда прежде эта фраза не жалила его сердце так остро»

Юноша замер у могил, погружённый в скорбные думы. С неба начал сеяться мелкий весенний

дождь, но он словно не замечал его. Тонкая водяная пыль осела на волосах и плечах, пропитывая одежду влагой.

Спустя какое-то время за спиной послышались шаги. Обернувшись, он увидел Цю Хуаняня, который шёл к нему, держа над головой старый, латаный бумажный зонт.

Гээр подошёл вплотную, укрывая Юньсэ от дождя, и потянул его за руку:

— Погода испортилась, вот я и пришёл. Поднимайся, пора домой. Не хватало ещё простудиться и слечь с лихорадкой — лекарства нынче недёшевы, мне их не потянуть.

Юньсэ послушно встал. Голос его после долгого молчания звучал хрипло:

— Я не так слаб, чтобы заболеть от пары капель.

Он подхватил опустевшую корзину и забрал зонт из рук Хуаняня. Молодой человек намеренно наклонил ручку так, чтобы целая часть купола надёжно укрывала его суженого, оставляя собственное плечо под дождем. Это Хуаняню стоило беречься — на вид он был слишком хрупким для таких прогулок.

Гээр заметил этот жест, но промолчал. В груди разлилось странное, щемящее тепло.

Дома из-за дождя уличный очаг разжечь не удалось, поэтому на обед пришлось довольствоваться паровыми лепёшками. Пока дети играли под навесом, ловя ладонями капли, Ду Юньсэ подошёл к своему дорожному сундуку, достал свёрток и протянул его Хуаняню.

— В столице я почти ничего не скопил. Здесь пять лянов серебра с небольшим — это всё, что собрали мне в дорогу друзья. Распоряжайся ими по своему усмотрению.

Хуанянь принял деньги, даже не развернув ткань.

— И не боишься, что я потрачу их только на себя?

— Ты и так прекрасно справляешься с хозяйством. Будет справедливо, если казной станешь заведовать ты, — просто ответил Юньсэ.

Гээр вскинул бровь и усмехнулся:

— Ну, раз так, я принимаю. Но уговор: всё, что заработаешь впредь, тоже отдавай мне.

К его удивлению, Ду Юньсэ серьёзно кивнул. Хуанянь негромко рассмеялся и, достав из сундука суженого письменные принадлежности, принялся составлять список.

— Слушай внимательно. За эти дни я выручил лян с лишним за сладости, ещё четыре ляна и восемь цзяней принесли мне рисунки. Сложив наши сбережения и твои приношения, мы имеем около тринадцати лянов серебра.

Хуанянь вывел цифру на бумаге и на миг задумался. Всего за две недели он превратил этот нищий дом в хозяйство с небольшим достатком, не зря трудясь от зари до зари. До постройки нового дома и покупки породистого коня было ещё далеко, а учёба супруга обещала стать бездонным колодцем для трат, но теперь впереди забрезжил свет.

— Каждый день ходить в город с сахаром тяжело, — рассуждал гээр. — Нельзя вечно обременять дядю Баожэня. Скоро пахота, в доме мало рук, а просить мула у соседей — дело ненадёжное. Я решил: первым делом купим крепкого сизого мула. Он и в поле поможет, и в уезд на нём ездить сподручнее.

Юньсэ кивнул:

— Как скажешь.

Хуанянь записал: «Мул — семь лянов».

— Скоро лето, всем нужно обновить одежду. Да и вату в одеялах пора сменить, она совсем свалялась.

Юноша не возражал, и в списке добавились пункты: «Два рулона ткани — восемьсот вэнь», «Десять цзиней хлопка — один лян и восемь цзяней».

Ещё Хуанянь отложил четыреста вэнь на семена — в этом году он планировал посадить кое-что необычное. Итого — десять лянов разошлись вмиг.

— Остаётся три ляна, — подытожил он. — Это на твою учёбу. Если понадобится что-то купить — говори. Будет не хватать — я что-нибудь придумаю.

Юньсэ хотел было возразить, но гээр продолжил:

— И вот ещё что. Теперь ты дома, так что выкрой время обучать грамоте Цзюцзю и Чуньшэна. Да и Юнькан, сын тётушки Цюянь, тоже просил подготовить его. Что скажешь?

Хуанянь хоть и знал иероглифы, но школьные знания древних текстов давно выветрились из памяти — он никак не мог стать учителем для местных детей.

— Я и сам хотел об этом поговорить, — отозвался Юньсэ. — Когда я стал туншэном, наставник запретил мне продолжать экзамены, пока я не окрепну духом. И лишь перед самым отъездом передал весть, что пришло моё время.

Он помолчал и добавил:

— Судья Ван сказывал, уездный экзамен будет сразу после праздника Дуанью. Если сдам на сюоя и попаду в число линьшэнов, смогу получать от казны по даню белого риса ежемесячно. Тогда открою небольшую школу здесь, в деревне, чтобы помогать семье.

Дань риса — это почти сто двадцать цзиней, целый лян серебра. Этого хватило бы, чтобы кормить всю их семью досыта два месяца.

Хуанянь призадумался.

— А когда ближайšie провинциальные экзамены? Как думаешь, есть у тебя шансы стать цзюйжэнем?

Сянши, или осенние экзамены, проводились раз в три года. Тот, кто получал звание цзюйжэня, освобождался от налогов на пятьдесят му земли, да ещё и получал от государства надел в пятнадцать му лучшей пашни. Это был путь к истинному достатку.

Но сдать их было невероятно трудно. Если в уезде Чжан каждый раз появлялось по три-четыре сюоя, то цзюйжэня здесь не видели уже много лет. Хуанянь помнил из прошлой жизни школьный урок про то, как один бедняга чуть с ума не сошёл от радости, сдав этот экзамен. Хоть Ду Юньсэ и казался ему выдающимся человеком, уверенности в его успехе не было.

Юньсэ прикинул про себя сроки:

— Осенние экзамены — в восьмом месяце следующего года. Если посвятить всё время подготовке, я верю, что смогу войти в число лучших.

— Решено! — Хуанянь хлопнул ладонью по столу. — Сосредоточься на книгах. Будем пробовать в следующем году.

Три года — слишком долгий срок, чтобы его терять. Если Ду Юньсэ уверен в себе, нужно идти на риск. В крайнем случае, это станет бесценным опытом.

— Но как же... — юноша замялся, глядя на суженого.

— О деньгах не беспокойся. Моих заработков хватит, чтобы содержать тебя до самого титула. Посмотри сам: не прошло и полмесяца, а я уже принёс в дом шесть лянов. Чего мне бояться?

Юньсэ всё ещё грызло чувство вины: негоже мужчине корпеть над книгами, когда его супруг надрывается на работе. Но Хуанянь лишь лукаво улыбнулся:

— Считай, что я просто делаю в тебя инвестицию.

— Инвестицию? — не понял Юньсэ.

Гээр принялся объяснять «на пальцах»:

— Смотри сам. Если я вложу тридцать вэнь в курицу, она даст мне по яйцу в день. Если вложу год труда в поле, оно даст пару даней зерна. Но если я инвестирую в тебя... В итоге я могу получить целого цзиньши, а то и самого Чжуаньюаня! И тогда ты станешь важным чином. Разве это не самая выгодная сделка, которую я могу проверить сейчас?

Слушая эти «доводы», Ду Юньсэ не знал, смеяться ему или плакать, но в душе его пробудился азарт.

— Конечно, — продолжал поддразнивать Хуанянь, — когда станешь большим начальником, не забудь отплатить мне сторицей. Иначе моё вложение просто вылетит в трубу.

Он уже достаточно изучил характер Ду Юньсэ, чтобы доверять ему, поэтому его слова были не более чем шуткой.

Тот накрыл своей ладонью руку суженого, коснувшись мозолей, натёртых тяжёлой работой. Он заглянул в его ясные, смеющиеся глаза и, когда Хуанянь уже готов был смущённо отвести взгляд, твёрдо произнёс:

— Хорошо. Обещаю тебе, Хуа-гээр, я обязательно вернусь к тебе, завоевав звание Чжуаньюаня.

Слово благородного мужа крепче золота — и этот обет останется нерушимым до конца дней.

<http://bllate.org/book/15363/1372829>